

Федор Сологуб. Помнишь, не забудешь

Оригинал находится здесь: [Сайт "Федор Сологуб"](#)

I

Предпраздничная веселая, но все же всем надоевшая, шумная суета кончилась. В квартире Скоромыслиных стало наконец тихо и по-праздничному легко. Запахи куличей, только что испеченных, вкусные, но тяжелые, смешались с легким, как сказка, ароматом духов.

Торжественные звоны, пушечные выстрелы, легкие гулы веселых голосов и стук колес и копыт по торцам мостовой слабо доносились в тишину и уют просторного кабинета, полузаглушенные тяжелыми складками портьер.

Николай Алексеевич Скоромыслин не пошел к пасхальной заутрене. Он всегда ходил в эту ночь в церковь вместе с женой и с детьми, а сегодня ему что-то занездоровилось. И настроение было тоскливое, совсем не праздничное.

Впрочем, в последнее время это с Николаем Алексеевичем нередко случалось, такое несоответствие его настроений с тем, что чувствуют и переживают все другие. Вокруг веселые люди смеются и шутят, – а Николай Алексеевич грустен, задумчив, ему скучно, он готов говорить всем неприятные слова. И наоборот бывает – все вокруг волнуется, негодуют, плачут, – а он спокоен, даже иногда весел. Стали даже говорить знакомые, что у Скоромыслина тяжелый характер.

Николаю Алексеевичу просто не хотелось сегодня идти в церковь; недомогание было только предлогом, чтобы не сказать коротко и просто:

– Потому, между прочим, не хотелось идти, что будет много знакомых в той церкви, – домовой, – куда они ходят потому, что имеют кое-какие связи с людьми, причастными к тому ведомству. Если пойти, то надо будет всем знакомым улыбаться, делать беззаботное лицо и говорить что-то легкое и никому не нужное, но совершенно обязательное в эту ночь. И вообще, как всегда со знакомыми, надевать маску общепринятого образца.

Ах, эти скучные маски! Отчего нельзя всегда быть самим собой!

Самим собой можно быть только тогда, когда остаешься один, совсем один, когда знаешь, что никто не постучится в дверь, когда можешь положить трубку телефона, чтобы не услышать докучного звонка. Только тогда спокойно можно отдаться мечтам и воспоминаниям, погрузиться в ту легкую задумчивость, которая слаще всего на свете.

Вот этого утешения захотелось теперь Николаю Алексеевичу.

II

Перед заутренею жена вошла к Николаю Алексеевичу в кабинет, шурша белым шелком нового платья, поправляя холодный, матовый жемчуг на теплой белизне стройной шеи, и сказала:

– Пора нам ехать. Неудобно приходить слишком поздно. А ты, Коля, поедешь?

Николай Алексеевич встретил жену привычно-ласковой улыбкой, поцеловал ее белую, стройную руку с кольцами, сияющими многоцветным блеском камней на длинных, тонких пальцах, от которых пахло сладко и нежно, и сказал:

– Нет, я лучше останусь дома. Подожду вас. Полежу здесь. Голова у меня все еще побаливает.

– Да, конечно, – сказала жена, – раз ты неважно себя чувствуешь, так лучше останься дома. А то еще простудишься. На улице холодно, и ветер такой холодный. Ты много работал в последнее время, – и это не хорошо. Не надо так утомляться.

Николай Алексеевич лениво усмехнулся и вяло возразил:

– Ну, где там! Какая теперь моя работа! В городе совсем нет времени